

Ю. В. Сеницына

МОДЕЛИ ПОЛИСЕМИИ СИМИЛЯТИВНОГО СУФФИКСА *-la* В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Статья посвящена моделям полисемии суффикса *-la* в горномарийском языке. Основное значение данного суффикса — маркирование стандарта сравнения в симилятивных конструкциях. В статье рассматриваются такие значения суффикса, как маркер глоттонимов, маркер актанта при глаголе *madaš* ‘играть’, маркер обменного эквивалента, маркер приблизительной локализации. Помимо типологически ожидаемых моделей полисемии (как, например, маркер глоттонимов или маркер актанта при глаголах *šičaš* ‘казаться’, *kajaš* ‘быть видимым, казаться’), горномарийский симилятивный маркер *-la* имеет менее изученные в типологическом плане функции — например, маркер актанта при глаголе *madaš* ‘играть’. Предыдущие исследования показали, что *-la* может иметь разные морфосинтаксические ограничения в зависимости от контекста. В статье приводятся существующие ограничения для не рассматриваемых ранее контекстов употребления. Так, маркируя глоттоним или актанта при глаголе *madaš* ‘играть’, *-la* имеет более ограниченную морфосинтаксическую дистрибуцию по сравнению с симилятивными конструкциями и конструкциями с глаголами типа *šičaš* ‘казаться’. Еще одно употребление *-la* — с локативными выражениями в качестве маркера приблизительной локализации. В этой функции *-la* присоединяется к именной группе, оформленной одним из локативных падежей, а также к послеложной группе с пространственным послелогом или к наречию, сохраняющему в своем составе старые формы локативных падежей. Согласно нашим данным, полученным в ходе опроса носителей, *-la* может присоединяться ко всем трем локативным падежам, а не только к иллативу, как это отмечается в грамматиках. Однако сочетание *-la* с инессивом и лативом, в отличие от иллатива, грамматично только для имен с пространственной семантикой. Помимо этого, в статье анализируется описанная сеть полисемии: обсуждается возможность развития рассматриваемых функций маркера из симилятивного значения, распространившегося из симилятивных конструкций на остальные контексты.

Ключевые слова: уральские языки, горномарийский язык, симилятивные конструкции, модели полисемии, типология.

1. Введение

В настоящей статье рассматриваются модели полисемии симилятивного маркера *-la* (*-lä*) в горномарийском языке (марийский < финно-угорский < уральский). Основная функция симилятивных показателей — выражение идентичности образа действия двух индивидов (1) — объекта сравнения (*tädä* ‘он’) и стандарта сравнения (*šäžväk* ‘соловей’) в типологической терминологии.²

(1)	<i>tädä</i>	<i>šäžväk-lä</i>	<i>mär-a.</i>
	он	соловей-SIM	петь-NPST.3SG
	‘Он поет как соловей’.		

Симилятивные показатели могут становиться источником новых грамматических значений в языках мира. С точки зрения типологии наиболее изучено развитие у таких показа-

¹ Анализ данных горномарийского языка поддержан грантом РФФИ №19-012-00627а. Типологическое исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

² Таким образом, *-la* является маркером стандарта сравнения, а параметром сравнения в симилятивных конструкциях выступает образ действия (в соответствии с терминологией, принятой в (Treis, Vanhove (eds.), 2017).

телей квотативного значения (Güldemann, 2008; Buchstaller, van Alphen (eds.), 2012). В сборнике (Treis, Vanhove (eds.), 2017) большое внимание уделено моделям полисемии симилятивных маркеров, а также концептуальным механизмам, лежащим в основе расширения функционала данных показателей. Несколько наиболее частых путей грамматикализации представлены в (Kuteva et al., 2019: 397–403).

Материалы были собраны в ходе экспедиций, организованных отделением теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в села Микряково и Кузнецово, а также в близлежащие деревни Горномарийского р-на Республики Марий Эл в 2016–2019 гг. Основной метод сбора данных — анкетирование информантов, помимо этого в ходе исследования привлекался материал корпуса экспедиционных текстов объемом около 60 тыс. словоупотреблений³. Элицитированные примеры приводятся без помет, примеры из корпуса помечаются соответствующим образом. Экспедиционные горномарийские примеры приводятся в фонологической транскрипции; в примерах из других источников сохранена система записи источника.

Работа имеет следующую структуру: в разделе 2 кратко описываются результаты предыдущих исследований марийского симилятива; раздел 3 посвящен описанию некоторых моделей полисемии на основе полевых данных; итоги подведены в разделе 4.

2. Предыдущие исследования

В грамматиках марийского языка *-la* в первую очередь рассматривается как падежный маркер, функция которого — «сравнение действия или состояния одного предмета с действием или состоянием другого» (Тужаров, 1987: 91). В (Учаев, Ефремов, 1998: 77) также указывается на то, что *-la* сравнивает два действия, таким образом, это подтверждает его статус именно как симилятивного маркера в современной терминологии.

Кроме этого, грамматики указывают на ряд других функций *-la*. В таблице 1. перечислены значения и источники, в которых описываются эти значения.

Таблица 1

Модели полисемии суффикса *-la*: данные грамматик

Функция / Источник	Тужаров 1987	Alhoniemi 1993	Саваткова 2002
Маркер стандарта сравнения в симилятивных конструкциях	+	+	+
Маркер актанта при глаголах со значением 'казаться'		+	+
Маркер обменного эквивалента	+	+	+
Маркер актанта при глаголе <i>madaš</i> 'играть'		+	+
Маркер названия языка ⁴		+	+
Образование наречий со значением приблизительности от других наречий			+
Указание, в качестве кого или чего выступает участник	+		
Маркирование приименных зависимых	+		

Примечание к таблице: знаком «+» отмечено, что данное значение упоминается в источнике.

³ Корпус доступен по ссылке: <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>

⁴ Для обозначения подобного контекста в типологической литературе существует термин *глоттоним* (Crass 2017: 410; Kuteva et al. 2019: 399), которого мы будем придерживаться далее.

Г. М. Тужаров, единственный из авторов рассматриваемых марийских грамматик, отмечает возможность *-la* употребляться в контекстах, указывающих на функцию, в которой выступает участник. Подобное употребление симилятивных маркеров описано в (Haspelmath, Buchholz, 1998: 322). Согласно М. Хаспельмату и О. Бухольцу, в большинстве европейских языков вторичный предикат со значением роли или функции маркируется теми же средствами, которые используются для маркирования стандарта сравнения в эквативных и симилятивных конструкциях. Полевые данные не подтверждают такое употребление *-la*:

- (2) **män'* *tädäm* *pisatel'-la* *jarat-em*
я он-ACC писатель-SIM любить-NPST.1SG
Ожидаемое значение: 'Я люблю его как писателя'.

Экспедиционными данными не было подтверждено употребление *-la* на приименных зависимых (3). Далее подобные контексты рассматриваться не будут.

- (3) **kolhoz-la* *älä-mäš-äm* *utla=ok* *jarat-š-əm*
колхоз-SIM жить-NMLZ-ACC более=EMPH любить-AOR-1SG
'Я очень полюбил колхозную жизнь'.⁵

Употребление *-la* в качестве маркера стандарта в симилятивных конструкциях было подробно рассмотрено в (Синицына, 2019). Была исследована доступность маркирования стандарта сравнения в зависимости от синтаксической позиции объекта сравнения, с которым соотносится стандарт. В результате оказалось, что *-la* может употребляться в более ограниченных контекстах по сравнению с другим маркером стандарта, послелогом *gan'*. В (4) представлены синтаксические позиции объекта сравнения, доступные для стандарта в зависимости от выбранного маркера⁶:

- (4) a. SU > DO > IO > OBL *gan'*
b. SU > DO > *IO > ?OBL *-la*

Также в (Синицына, 2019) было проанализировано употребление *-la* в качестве маркера актанта при глаголах со значением 'казаться'. В типологии засвидетельствован переход маркеров стандарта сравнения в сравнительные комплементаризеры: например, союз *like*, оформляющий стандарты сравнения в симилятивных конструкциях в английском языке, также употребляется при глаголах типа *seem* 'казаться' (Rooryck, 2000: 48). Переход элемента с симилятивным значением в комплементаризер отмечен также в (Kuteva et al., 2019: 398) как одна из типичных путей грамматикализации симилятивных маркеров.

Исследование показало, что в этой функции *-la* имеет более широкую сочетаемость, чем маркер стандарта: во-первых, *-la* может оформлять послеложные группы, а во-вторых, в говоре с. Микряково и в некоторых идиолектах говора с. Кузнецово грамматично употребление данного суффикса с финитными формами глаголов. Общедоступной стратегией при этом является маркирование номинализованной формы зависимого глагола (5).

- (5) *pet'a* *tol-mâ-la* *šuč-eš.*
Петя приходит-NMLZ-SIM казаться-NPST.3SG
'(Мне) кажется, что Петя придет'.

⁵ Этот пример приводится в (Тужаров 1987: 93) (цитата по (Игнатъев 1969: 149)) как грамматичный.

⁶ В соответствии с иерархией доступности (Comrie, Keenan 1979), модифицированной в соответствии с задачами исследования. Ср. также исследование мокшанских и бесермянских компаративных конструкций в (Холодилова, 2015).

В рассмотренных грамматиках марийского языка зафиксированы лишь возможные контексты употреблений симилятивного суффикса. В (Синицына, 2019: 270), помимо подробного анализа употребления *-la* в двух типах конструкций, было выдвинуто краткое предположение о наличии различных морфосинтаксических ограничений в зависимости от контекста. Задача настоящей статьи: 1) рассмотреть существующие ограничения для не рассматриваемых ранее контекстов употребления, 2) проанализировать возникающую сеть полисемии горномарийского симилятивного аффикса и найти общий элемент, связывающий все рассматриваемые функции.

3. Модели полисемии *-la*: полевое исследование

В данном разделе будут рассмотрены следующие употребления *-la*: маркер глоттонимов, маркер актанта при глаголе *madaš* ‘играть’; маркер обменного эквивалента; маркер приблизительной локализации.

3.1. Маркер глоттонимов.

С типологической точки зрения переход симилятивного маркера в маркер глоттонима довольно частотен (см. Kuteva et al., 2019: 399).⁷ В качестве общего элемента, связывающего основную функцию симилятивного маркера стандарта и маркера глоттонимов, выступает сравнение: из конструкции с более общим значением *он говорит, как мариец* (сравнение по образу действия), могло выделиться более частное значение языка: *он говорит, как мариец*, следовательно, *он говорит на том же языке, что и марицы* (6).

- (6) *tädä mar-la pop-a.*
 он мари-SIM говорить-NPST.3SG
 ‘Он говорит по-марийски’.

Суффикс *-la* может сочетаться только с конкретными этнонимами, в сочетании со словом *jälmä* ‘язык’ он не употребляется (7). Вместо этого используется конструкция с послелогом *dono* ‘с’.

- (7) *tädä kok jälmä dono / *kok jälmä-lä pop-a.*
 он два язык с два язык-SIM говорить-NPST.3SG
 ‘Он говорит на двух языках’.

Этноним, оформленный *-la*, не может быть распространен приименными модификаторами (8)-(9), если этот модификатор не является частью названия языка, ср. (10).

- (8) **tädä tör mar-la pop-a.*
 он прямой мари-SIM говорить-NPST.3SG
 Ожидаемое значение: ‘Он говорит на правильном марийском’.

⁷ В (Kuteva et al. 2019: 399) словообразовательный характер морфемы в данном контексте. Мы используем термин глоттоним, основываясь на сходстве функции *-la* и маркеров в других языках, и ставляем определение морфологического статуса *-la* в данном контексте за рамками настоящего исследования.

(9) *tädä kok mar-la pop-a.
он два мари-SIM говорить-NPST.3SG
Ожидаемое значение: ‘Он говорит на двух марийских (языках)’.

(10) ...cilä-n pop-at kârâk mar-la...
весь-ADV говорить-NPST.3PL гора мари-SIM
‘...все разговаривают на горномарийском...’
[Корпус: «Птицефабрика», 135]

В этом значении *-la* не может маркировать сочиненную группу целиком (11), в отличие от грамматичности такой конструкции в других контекстах употребления *-la* (см. далее, а также (Синицына, 2019) о конструкциях с глаголами со значением ‘казаться’).

(11) *tädä [ruš dä mar]-la pop-a.
он русский и мари-SIM говорить-NPST.3SG
Ожидаемое значение: ‘Он говорит по-русски и по-марийски’.

Таким образом, *-la* как маркер глоттонимов имеет более ограниченную сочетаемость по сравнению с другими контекстами.

3.2. Маркер актанта при глаголе *madaš* ‘играть’

В отличие от маркера актанта при глаголах со значением ‘казаться’ и маркера глоттонимов, в известной нам типологической литературе (см. Haspelmath, Buchholz, 1998; Treis, Vanhove (eds.), 2017) не упоминается возможность симулятивного элемента употребляться с названиями игр.

Аффикс *-la* маркирует актанты глагола *madaš* ‘играть’, подразумевающих семантическую роль игры (12). В случае, если актант не является именно игрой — ситуацией, подразумевающей определенные правила взаимодействия игроков — а, например, игровым предметом, употребление *-la* запрещено и должен использоваться послелог *dono* ‘с’ (13).

(12) tädä kart-la mad-eš.
он карта-SIM играть-NPST.3SG
‘Он играет в карты’.

(13) mән' m'ač-em dono / *m'ač-em-lä mad-aš jarat-em.
я мяч-POSS.1SG с мяч-POSS.1SG-SIM играть-INF любить-NPST.1SG
‘Я люблю играть со своим мячом’.

В этом значении *-la* может оформлять имена во множественном числе (14), а также допустимо употребление *-la* в качестве групповой флексии (15).

(14) m'ačik-vlä-lä, futbol-la, val'ejbol-la mad-ән-na.
мяч-PL-SIM футбол-SIM волейбол-SIM играть-PRET-1PL
‘В мячики, в футбол, в волейбол мы играли’. [Корпус: «Игры — 4», 44]

(15) [šaxmât dä šaškâ]-la jažo-n mad-am.
шахматы и шашки-SIM хороший-ADV играть-NPST.1SG
‘Я хорошо играю в шахматы и шашки’.

Обозначением игры может служить группа «прилагательное + существительное» (16) или «числительное + существительное» (17):

- (16) *šükšä* *t'el'efon-la* *texen'* *mad-âš*.
гнилой телефон-SIM такой играть-НАСТ
'В испорченный телефон такая игра'. [Корпус: «Игры — 2», 38]

- (17) *lu=at* *kok* *pandâ-la* *mad-âna* *âlân*.
десять=ADD два палка-SIM играть-NPST.1PL RETR2
'Играли в 12 палочек.' [Корпус: «Двенадцать палочек», 24]

В случае наличия посессивного маркирования на существительном употребление *-la* допустимо, если посессивная группа может помыслиться носителем как название игры (18).

- (18) (Ты придумал странные правила для прятков, поэтому)...
ʔân'-ân *šäl-m-et-lä* *a-m* *mad*.
ты-GEN прятаться-NMLZ-POSS.2SG-SIM NEG.NPST-1SG играть
'...я в твои прятки не играю'.

Пример со словом *madâš* 'игра' (19) однозначно допускается носителями независимо от посессивного оформления, видимо, потому что данное слово скорее подразумевает семантическую роль абстрактной игры, а не конкретного предмета, с которым можно производить определенные действия.

- (19) *t'et'ä-vlä* *šäre-n=ok* *pet'a-n* *mad-âš-vlä-žä-lä*
ребенок-PL частый-ADV=EMPH Петя-GEN играть-НАСТ-PL-POSS.3SG-SIM
mad-ât.
играть-NPST.3PL
'Дети часто играют в Петины игры'.

Рассмотренные в данном разделе контексты также содержат идею сравнения, общую для различных функций *-la*. Так, игра в испорченный телефон (16) предполагает сравнение игрового процесса с ситуацией, в которой сломался телефон и сообщение передается с помехами. Участники игры следуют модели поведения, характерной для данной ситуации.

3.3 Маркер обменного эквивалента

В первую очередь следует отметить расхождение в представленных рассматриваемыми источниками названиях функции, проиллюстрированной в (20)–(21):

- (20) *män'ä* *täng-em-äm* *šüdä* *tängä-eš* / *tängä-lä*
я друг-POSS.1SG-ACC сто рубль-LAT / рубль-SIM
a-m *vaštaltâ*.
NEG.NPST-1SG менять
'Я не променяю своего друга на сто рублей'.

- (21) *vas'a* *t'etrad'-äm* *lu* *tängä-eš* / *ʔängä-lä* *näl-än*.
Вася тетрадь-ACC десять рубль-LAT / рубль-SIM брат-PRET
'Вася купил тетрадь за 10 рублей'.

Значение, которое А. Алхониemi называет обстоятельством, выражающим цену (Alhoniemi, 1993: 57), А.А. Саваткова трактует как «возможное возмещение платы, обмена» (Саваткова, 2002: 101). В (Тужаров, 1987: 94) обе трактовки объединяются в одну функцию, при этом в двух приведенных примерах используется один глагол ‘покупать’. В (Ганенков, 2002) обосновано различие значений обменного эквивалента при глаголе ‘менять на X’ и цены при глаголе ‘покупать за X’, поэтому, на наш взгляд, нельзя считать встречающиеся в грамматиках формулировки равнозначными.

В горномарийском языке суффикс *-la* выражает значение обменного эквивалента при глаголе *vaštaltāš* ‘менять’ (20). В значении цены при глаголе *nälāš* ‘брать, покупать’ (21) этот показатель грамматичен не во всех идиолектах. Таким образом, *-la* устойчиво используется только в качестве маркера обменного эквивалента.

В значении обменного эквивалента *-la* конкурирует с лативом *-eš*, причем латив грамматичен как в значении обменного эквивалента, так и в значении цены.

Также в значении обменного эквивалента *-la* может употребляться в качестве групповой флексии:

- (22) *tädä kn'igä-m [ručka dä t'etrad']-la vaštalt-en.*
 он книга-ACC ручка и тетрадь-SIM менять-PRET
 ‘Он обменял книгу на тетрадь и ручку’.

В качестве элемента, связывающего основную функцию симулятивного маркера стандарта и маркера обменного эквивалента, выступает идея сопоставления стоимостименяемого предмета и обменного эквивалента (или товара и его цены).

3.4. Маркер приблизительной локализации

Согласно (Саваткова, 2002: 251), наречный суффикс *-la*, омонимичный падежному, придает наречиям оттенок неопределенности. При этом в приводимых в грамматике примерах *-la* присоединяется к словам, сохранившим непродуктивный показатель иллатива *-kâ*, встречающийся на некоторых наречиях и послелогах, см. (23). Полевые данные показывают, что *-la* может также сочетаться с существительными, маркированными продуктивным падежным показателем иллатива (24b).⁸ И. С. Галкин предполагает, что, присоединяясь к иллативному показателю, *-la* указывает на неопределенность направления (Галкин, 1964: 28). На наш взгляд, более точным будет считать сочетание иллатива и симулятива выражением направления, а не конечной точки движения.

- (23) a. *pa-kâ > pa-kâ-la*
 даль-ILL2 даль-ILL2-SIM
 ‘далеко’ > ‘подалее’ (Саваткова, 2002: 251)
 b. *anzâ-kâ > anzâ-kâ-la*
 перед-ILL2 перед-ILL2-SIM
 ‘вперед’ > ‘вперед (неопределенно)’ (Саваткова, 2002: 251)

- (24) a. *tädä t'eatâr-âškâ kašt-eš.*
 он театр-ILL ходить
 ‘Он ходит в театр’.

⁸ Исторически непродуктивный на данный момент показатель *-kâ* (*-kâ*) является падежным аффиксом с иллативным значением, см. подробнее в (Галкин 1964: 21). Современный марийский иллативный падежный аффикс, *-škâ* (*-škâ*), представляет собой комбинацию древнего финно-угорского направительного падежа *-kâ* и древнего лативного падежа на *-s* (Галкин 1964: 49).

- b. *tädä t'eatâr-âškâ-la kašt-eš.*
 он театр-ILL-SIM ходить-NPST.3SG
 'Он ходит в сторону театра'.

Мы считаем данный контекст еще одной моделью полисемии симилятивного суффикса, т. к. данный показатель также оформляет «наречия со значением сопоставления и сравнения»: *mar-la* (мари-SIM) 'по-марийски'⁹; *tädä-lä* (он-SIM) 'как он(а)' (Саваткова, 2002: 251). Сравнительный компонент значения является общим для наречного и падежного аффиксов, что, на наш взгляд, является аргументом, чтобы рассматривать общие модели полисемии для аффикса со сравнительным значением.

Таким образом, в основе употребления *-la* как маркера приблизительной локализации можно представить сравнительную функцию суффикса. В данном случае сравниваться может направление движения: в (24а) подразумевается, что человек движется в том же направлении, как если бы он направлялся непосредственно в театр.

В (Некрасова, 2002: 111) предлагается считать марийские формы на *-škâ-la* (ILL-SIM) на синхронном уровне формами с единым показателем аппроксиматива. Согласно нашим полевым данным, *-la* может присоединяться не только к показателю иллатива, но и к показателям инессива (*-štâ*) и латива (*-eš*). В (Галкин, 1964: 28) утверждается, что *-la* может присоединяться только к именам, обозначающим «пространственно широкие понятия», например, *лес*, *город* и т.д. Однако пример (28) показывает, что по крайней мере в рассматриваемых говорах горномарийского языка *-la* может присоединяться к любым именам, оформленным иллативом. Ограничения на сочетаемость имеют имена, оформленные инессивом (25)–(26) и лативом (27): *-la* в данном случае может сочетаться только с именами с пространственной семантикой.

- (25) *tädä šärgä-štâ-lü äl-ä.*
 он лес-IN-SIM жить-NPST.3SG
 'Он живет в стороне леса'.

- (26) **kn'igä kr'eslo-štâ-la ki-ä.*
 книга кресло-IN-SIM лежать-NPST.3SG
 Ожидаемое значение: 'Книга лежит |где-то в кресле'.

- (27) a. *tädä kr'uk-âm amasa mongâr-eš-lü säk-en.*
 он крюк-ACC дверь сторона-LAT-SIM вешать-PRET
 b. **tädä kr'uk-âm amasa-eš-lü säk-en.*
 он крючок-ACC дверь-LAT-SIM вешать-PRET
 'Он повесил крюк ближе к двери'.

- (28) *kr'eslo-škâ-la ke-ø!*
 кресло-ILL-SIM идти-IMP
 'Иди в сторону кресла!'

Помимо этого, между показателем иллатива и *-la* может стоять посессивный суффикс, что не позволяет считать *-škâ-la* единым падежным показателем:

⁹Подробнее о выражениях типа *mar-la* (мари-SIM) 'по-марийски', *ruš-la* (русский-SIM) 'по-русски' см. в разделе 3.1 настоящей статьи.

- (29) *mä ke-nä toma-šk-em-lä.*
 мы идти-NPST.1PL дом-ILL-POSS.1SG-SIM
 ‘Мы идем в сторону моего дома’.

Использование *-la* в качестве групповой флексии в данном контексте запрещено:

- (30) **[škol ...]-la dä lapka-škâ-la kašt-am*
 школа-ILL и магазин-ILL-SIM ходить-NPST.1SG
 Ожидаемое значение: ‘Я хожу в сторону школы и магазина’.

Маркер приблизительной локализации может встречаться во временных контекстах в сочетании с иллативом (31). Во временных контекстах с инессивом он, однако, неграмматичен (32). Типологически переход пространственного значения во временное очень распространен, см., например, (Heine, Kuteva, 2002: 205).

- (31) *davajt'e zan'at'i-m vâc cäs-âškâ-lü vaštalt-enä.*
 давайте занятие-ACC пять час-ILL-SIM менять-NPST.1PL
 ‘Давайте перенесем занятие поближе к пяти часам’.

- (32) **tädä kâm cäs-âštâ-lü tol-eš.*
 он три час-IN-SIM приходить-NPST.3SG
 Ожидаемое значение: ‘Он придет примерно через три часа’.

Согласно текущему анализу получается, что описанные в данном разделе примеры являются случаями двойного падежного маркирования. Однако данный феномен в целом не характерен для горномарийского языка. Второй падеж может присоединяться к зависимому имени, оформленному генитивом или атрибутивизатором, при эллипсисе именной вершины (см. (Плешак, 2021) о говоре с. Кузнецово, (Привизенцева, 2016) о говоре с. Микряково):

- (33) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (С. МИКРЯКОВО)
kâdâ toma-štâ tән' äl-et — pet'a-n-âštâ.
 который дом-IN ты жить-NPST.2SG Петя-GEN-IN
 ‘В чьем доме ты живешь? — В Петиним’ [Привизенцева 2016: 236]

Определение морфологического статуса *-la* в данном контексте является отдельным теоретическим вопросом и не входит в задачи настоящей статьи¹⁰.

4. Обсуждение результатов

В статье была проанализирована полисемия горномарийского симилятивного суффикса *-la*. Он имеет разную сочетаемость в зависимости от контекста употребления. Так, маркируя глоттоним или актант с семантической ролью игры, *-la* имеет более ограниченную морфосинтаксическую дистрибуцию по сравнению с симилятивными конструкциями и конструкциями с глаголами типа *šičaš* ‘казаться’.

¹⁰ В (Синицына 2019) было предложено считать *-la* транскатегориальным показателем, выполняющим функцию комплементаризера, в контекстах с глаголами со значением ‘казаться’ ввиду грамматичности сочетаний *-la* с финитными формами глаголов. Одно из возможных решений — считать горномарийский симилятивный аффикс *-la* транскатегориальным показателем во всех имеющихся контекстах.

Еще одно употребление *-la* — с локативными выражениями в качестве маркера приблизительной локализации. В этой функции *-la* присоединяется к именной группе, оформленной одним из локативных падежей, а также к послеложной группе с пространственным послелогом или к наречию, сохраняющему в своем составе старые формы локативных падежей. Важно, что *-la* может присоединяться ко всем трем локативным падежам, а не только к иллативу, как это отмечается в грамматиках. Однако сочетание *-la* с инессивом и лативом, в отличие от иллатива, грамматично только для имен с пространственной семантикой.

Наконец, полевые данные показали отличие в допустимости *-la* как маркера обменного эквивалента и как маркера цены, в то время как эти два значения не разделяются в грамматических описаниях.

Помимо этого, данные горномарийского языка расширяют существующий набор моделей полисемии элементов с симилятивным значением. Некоторые функции *-la* довольно распространены для показателей со схожей семантикой в языках мира. Это переход симилятивного маркера в маркер глоттонима, а также в комплементаризер (см. Kuteva et. al., 2019: 398, 399).

Другие же модели полисемии, встречающиеся у горномарийского симилятива, практически не описаны в обширных типологических описаниях — например, (Haspelmath, Buchholz, 1998; Treis, Vanhove (eds.), 2017). К таким моделям относится, во-первых, способность *-la* маркировать актанта с семантической ролью ‘игра’. В этом случае с точки зрения типологических аналогий, можно привести данные турецкого языка, в котором обнаруживается сложный суффикс *-macA* в отглагольных именах со значением игры (*bulmaca* ‘пазлы’, *kosmaca* ‘салки’). Этот маркер состоит из суффиксов *-mA*, образующего отглагольные существительные и *-CA* — эквативного показателя (Göksel, Kerslake, 2005: 54, 58).

Во-вторых, с типологической точки зрения мало изучено употребление симилятивного аффикса в качестве маркера приблизительной локализации. Схожее явление зафиксировано в языках бонго-багирми (<Центральносуданские языки). Симилятивный предлог *bëndē* встречается в контекстах приблизительного временного значения, соответствуя английским предлогам *around, about* (Boyeldieu, 2017: 244). Более заметное сходство контекстов приблизительности показывает осетинский эквативный падеж *-aw*. Основной контекст для этого падежа — сравнительный (Абаев, 1959: 28). Как и его горномарийский аналог, осетинский эквативный падеж встречается на локативных послелогох. Так, форма *fæstijaw* ‘(далеко) позади’ образована с помощью эквативного маркера *-aw* от послелога *fæstæ* ‘за’ (Абаев, 1958: 464). В целом, однако, подобная модель полисемии требует дальнейшего изучения на более широкой выборке языков.

В-третьих, интересна способность *-la* маркировать обменный эквивалент или цену (в некоторых идиолектах). На данный момент получается провести типологическую параллель только с чувашским языком, в котором находится ровно такой же контекст для суффикса со сравнительным значением: «*укçалла* ‘на деньги’, *сăнăхла* ‘на муку’ (купил, обменял)» (Егоров, 1957: 283).

Помимо этого, в грамматических описаниях чувашского языка (Андреев, 1957; Егоров, 1957), приводятся следующие контексты употребления аффикса со сравнительным значением: наречия и существительные в форме дательного-винительного падежа с аффиксом *-ла* (*ле*) с аппроксимативным значением; наречия, являющиеся названием игр: *футбол-ла выл-я* (футбол-ADV играть) ‘играть в футбол’; названия языков. Таким образом, в чувашском языке сравнительный аффикс *-la* может употребляться во всех контекстах, рассмотренных в настоящей статье для горномарийского *-la*. Это может быть обусловлено тесной ареальной связью чувашского и марийских языков (см., например, (Федотов, 1990)) и не может рассматриваться как бесспорный пример независимого развития полисемии.

Согласно одной из версий происхождения марийского симилятива, он был заимствован из чувашского (Федотов, 1990; Bereczki, 2002). При этом в (Майтинская, 1979: 120-121) при

допущении финно-угорского происхождения показателя не отрицается гипотеза, согласно которой «в марийском языке употреблялся и другой суфф. *-la* компаративного значения, заимствованный из чувашского и впоследствии совпавший с суффиксом *-la* финно-угорского происхождения».

Также в статье было показано, что на синхронном уровне развитие всех рассмотренных контекстов может быть связано симилиативным значением суффикса.

Список условных сокращений:

1-3 — лица, ACC — аккузатив, ADD — аддитивная частица, ADV — адвербиализатор, AOR — аорист, EMPH — эмфатическая частица, GEN — генитив, ILL(2) — иллатив, IMP — императив, IN — инессив, INF — инфинитив, LAT — латив, NACT — имя действия, NEG — отрицание, NMLZ — номинализация, NPST — непрошедшее время, PL — множественное число, POSS — посессивность, PRET — претерит, RETR2 — ретроспективный сдвиг, SG — единственное число, SIM — симилиатив.

Литература:

- Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Абаев В. И.** Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.
- Андреев Н. А.** Имя прилагательное. // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Морфология, ред. Павлов И. П. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1957. С. 62–107
- Ганенков Д. С.** Модели полисемии пространственных показателей: дипломная работа. М., МГУ, 2002.
- Галкин И. С.** Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1964.
- Егоров В. Г.** Наречие. // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Морфология, ред. И. П. Павлов. Чувашское гос. изд-во, 1957. С. 273–295.
- Игнатъев Н.** Айырен погымы произведенийвлӓ I, Йошкар-Ола, 1969.
- Майтинская К. Е.** Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979.
- Некрасова Г. А.** Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар: изд. Коми НЦ УрО РАН, 2002.
- Плешак П. С.** Синтаксис именной группы в горномарийском языке: экспедиционный отчет, 2021.
- Привизенцева М. Ю.** Двойное падежное маркирование и структура именной словоформы (на материале бурятского, горномарийского и мокшанского языков). // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016», ред. М. Б. Коношенко, Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг. М.: МПГУ, 2016. Вып. 3. С. 232–247.
- Саваткова А. А.** Горное наречие марийского языка. Bibliotheca Ceremissica. TV-Savariae, 2002.
- Синицына Ю. В.** Полисемия и морфологический статус горномарийского показателя *-la* // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. Т. XV. Ч. 2. С. 265–297.
- Учаев З. В., Ефремов А. С.** Поро кече! 30 уроков марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1998.
- Федотов М. Р.** Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990.
- Холодилова М. А.** Сравнительные конструкции и иерархия доступности именных групп в бесермянском удмуртском и мокшанском. (Доклад на конференции «Уральские языки: синхрония и диахрония», Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, 15–16 октября 2015 г.)
- Alhoniemi A.** Grammatik des Tschermissschen (Mari). Hamburg: Buske, 1993.
- Bereczki G.** A cseremisz nyelv történeti alaklana (Studies in Linguistics of the Volga Region). Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó, 2002.
- Boyeldieu P.** Expressing similarity in Yulu and some other SBB languages (Central Africa). // Expressions of similarity from an Africanist and typological perspective, ed. by Treis Y., Vanhove M. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 239–258.
- Buchstaller I., Van Alphen I.** (eds). Quotatives: Cross-Linguistic and Cross-disciplinary Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2012.

- Comrie B., Keenan E.** Noun Phrase Accessibility Revisited. // *Language*. 1979. T.55. Baltimore: Waverly Press. P. 649–664.
- Crass J.** Similarity and related functions in Libido. // *Similitive and equative constructions: A cross-linguistic perspective*, eds. Treis Y., Vanhove M. Amsterdam-Philadelphia: J. Benjamins, 2017. P. 387–417.
- Göksel A., Kerslake C.** *Turkish. A comprehensive grammar*. London & New York: Routledge, 2005.
- Güldemann T.** Quotative indexes in African languages: a synchronic and diachronic survey. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Haspelmath M., Buchholz O.** Equative and similitive constructions in the languages of Europe. // *Adverbial constructions in the languages of Europe*, ed. van der Auwera J. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277–334.
- Heine B., Kuteva T.** *World Lexicon of Grammaticalization*. CUP, 2002.
- Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S.** *World Lexicon of Grammaticalization*. CUP, 2019.
- Rooryck J.** *Configurations of Sentential Complementation: Perspectives from Romance Languages*. London: Routledge, 2000.
- Treis Y., Vanhove M.** (eds.). *Similitive and equative constructions: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam: Benjamins, 2017.

Синицына Юлия Вячеславовна, аспирант.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991.

E-mail: jv.sinitsyna@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 03 сентября 2021 г.

Yu. V. Sinitsyna

POLYSEMY PATTERNS OF THE SIMILATIVE SUFFIX *-la* IN HILL MARI

This article discusses the polysemy models of the Hill Mari suffix *-la*, which main meaning is marking the standard of comparison in similitive constructions: glottonym marker, marker of the actant in constructions with the verb *madaš* ‘play’, marker of the approximate localization. In addition to the typologically expected patterns of polysemy (for example, the marker of glottonyms or the complementizer marker in constructions with the verbs *čučaš* ‘seem’, *kajaš* ‘be seen, seem’), the Hill Mari similitive marker *-la* has some functions that are less studied from typological perspective. Previous research has shown that *-la* can have different morphosyntactic restrictions depending on the context. The article presents the restrictions for contexts of *-la* that were not studied previously in a proper way. Thus, when used as a glottonym marker or as a marker of an actant in constructions with the verb *madaš* ‘play’, *-la* has a more limited morphosyntactic distribution compared to similitive constructions and constructions with verbs like *čučaš* ‘seem’. Another context for *-la* is locative expressions. The suffix is used to indicate the direction and not a final point. In this function, *-la* is attached to a noun phrase marked by one of the locative cases, as well as to a postpositional group with a spatial postposition or to an adverb that retains the old forms of locative cases. It is important that *-la* can be attached to all three locative cases, not just to the illative, as noted in the grammars.

Moreover, the article analyzes the existing polysemy network: there is an attempt to present a possible invariant underlying all functions of the *-la*. This is the similitive meaning of the suffix, which is spread from the similitive constructions to other contexts.

Keywords: *Uralic languages, Hill Mari language, similitive constructions, polysemy models, typology.*

References:

- Abaev V. I.** *Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyka* [Grammar sketch of Ossetic]. Ordzhonikidze, 1959. (in Russian)

- Abaev V. I.** Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka [Historical-etymological dictionary of Ossetic]. V. I. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1958. (in Russian)
- Alhoniemi A.** Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg: Buske, 1993.
- Andreev N. A.** Imya prilagatelnoye // Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka. Morfologiya [Adjective // Materials on the grammar of modern Chuvash. Morphology], Pavlov I. P. (ed.) Cheboksary, 1957. P. 62–107 (in Russian)
- Bereczki G.** A cseremisiz nyelv történeti alaktana (Studies in Linguistics of the Volga Region). Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó, 2002.
- Boyeldieu P.** Expressing similarity in Yulu and some other SBB languages (Central Africa). // Expressions of similarity from an Africanist and typological perspective, ed. by Treis Y., Vanhove M. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 239–258.
- Buchstaller I., Van Alphen I.** (eds). Quotatives: Cross-Linguistic and Cross-disciplinary Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2012.
- Comrie B., Keenan E.** Noun Phrase Accessibility Revisited. // Language. 1979. T.55. Baltimore: Waverly Press. P. 649–664.
- Crass J.** Similarity and related functions in Libido. // Similitative and equative constructions: A cross-linguistic perspective, eds. Treis Y., Vanhove M. Amsterdam-Philadelphia: J. Benjamins, 2017. P. 387–417.
- Fedotov M. R.** Chuvashkomarijskije jazykovyje vzaimosvjazi [Chuvash-Mari language contact]. Saransk, 1990. (in Russian)
- Galkin I. S.** Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka. Morfologiya. Ch.I [Historical grammar of Mary language. Morphology. Part I]. — Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 1964. (in Russian)
- Ganenkov D. S.** Modeli prostranstvennykh pokazateley [Models of spatial markers]. Master's Thesis. Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2002. (in Russian)
- Göksel A., Kerslake, C.** Turkish. A comprehensive grammar. London & New York: Routledge, 2005.
- Güldemann T.** Quotative indexes in African languages: a synchronic and diachronic survey. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Haspelmath M., Buchholz O.** Equative and similitative constructions in the languages of Europe // Adverbial constructions in the languages of Europe, ed. van der Auwera J. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277–334.
- Heine B., Kuteva T.** World Lexicon of Grammaticalization. CUP, 2002.
- Kholodilova M. A.** Sravnitelnyye konstruksii i iyerarkhiya dostupnosti imennykh grupp v besermyanskom udmurtskom i mokshanskom [Comparative constructions and noun phrase accessibility hierarchy in Besermyan, Udmurt and Moksha]. Paper presented at the conference “Uralic languages: Synchrony and diachrony”, ILS RAS. St. Petersburg, October 15–16, 2015. (in Russian)
- Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S.** World Lexicon of Grammaticalization. CUP, 2019.
- Majtinskaya K. E. Istoriko-sopostavitel'naya morfologiya finno-ugorskikh yazykov [Diachronic morphology of Finno-Ugric languages]. M.: Nauka, 1979. (in Russian)
- Nekrasova G. A.** 2002. Sistema L-ovykh padezhey v permskikh yazykakh: proiskhozhdeniye i semantika [System of L-cases in Permic languages: origin and semantics]. Syktyvkar, 2002. (in Russian)
- Pleshak P. S.** Sintaksis imennoy gruppy v gornomariyskom yazyke [Syntax of noun phrase in Hill Mari]. Field report. Manuscript, 2019. (in Russian)
- Privizentseva M. Yu.** Dvoynoye padezhnoye markirovaniye i struktura imennoy slovoformy (na materiale buryatskogo, gornomariyskogo i mokshanskogo yazykov) [Case stacking and morphological structure of nouns (Evidence from Buryat, Hill Mari and Moksha)]. M. B. Konoshenko, E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling (eds.). Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii “Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2016” [Typology of Morphosyntactic Parameters. Proceedings of the International Conference “Typology of Morphosyntactic Parameters 2016”]. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2016. Iss. 3. P. 232–247. (in Russian)
- Savatkova A. A.** Gornoe narechie marijskogo yazyka [Hill Mari]. Savariae, 2002.
- Sinit'syna Yu. V.** Polisemiya i morfologicheskii status gornomariyskogo pokazatelya -la [Polysemy and morphological status of the Hill Mari marker -la] // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. Vol. XV, № 2. P. 265–297. (in Russian)
- Tuzharov G. M.** Grammaticheskie kategorii imeni sushhestvitel'nogo v marijskom yazyke [Grammatical categories of the noun in Hill Mari]. Yoshkar-Ola, 1987. (in Russian)
- Uchaev Z. V., Yefremov A. C.** Poro keche! 30 urokov mariyskogo yazyka [Poro keche! 30 lessons of Mari language]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo. 1998.

Yegorov V. G. Narechie. Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka. Morfologiya [Adverb // Materials on the grammar of modern Chuvash. Morphology], Pavlov I. P. (ed.) Cheboksary, 1957 P. 273–295 (in Russian)

Treis Y., Vanhove M. (eds.). Similative and equative constructions: A crosslinguistic perspective. Amsterdam: Benjamins, 2017.

Ignat'yev N. Ajyren pogymy proizvedenijvla I [Selected works I], Yoshkar-Ola, 1969.

Sinitsyna Yulia Vyacheslavovna, postgraduate student.

Lomonosov Moscow State University.

1 Leninskije gory, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: jv.sinitsyna@yandex.ru